

КОММЕНТАРИЙ В ЦЕЛОМ КУЛЬТУРЫ¹

Информация об авторе: Татьяна Александровна Касаткина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-0875-067X>

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются самые исходные философские: гносеологические и онтологические — основы комментария как базовой практики бытия и становления мира и человека. Рассматривается процесс первого «комментирования» неявленного, легший в основу сотворения мира. Рассматривается миф как базовая практика говорения о том, о чем невозможно сказать. Показывается специфика искусства, существующего в противонаправленном жизни движении: жизнь движется в сторону выделения аспектов и конкретизации смыслов, искусство — в сторону интеграции аспектов и нового обретения аспектами сверхсмысла. В процессе описания движения и развития самых начальных структур бытия отыскиваются принципы идеального комментария. Ставится вопрос о том, что есть «новое» в сознании традиционных культур.

Ключевые слова: комментарий, онтология, гносеология, базовые принципы комментария, часть и целое, миф.

© 2024. *Tatiana A. Kasatkina*

COMMENTARY IN CULTURE

Information about the author: Tatiana A. Kasatkina, DSc in Philology, Director of Research, Head of the Research Centre “Dostoevsky and World Culture”, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-0875-067X>

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Abstract: The article is concerned with the main philosophical (epistemological and ontological) principles of commentary as a fundamental practice of being and becoming both for the world and the man. It examines the initial process of “commenting” the non-explicit which lies at the bottom of reality. It also considers myth as a basic practice

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432-П) / The study was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature RAS with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) according to research project No. 17-18-01432-P.

КОММЕНТАРИЙ
КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

of speaking about what is ineffable. It thus shows the specific character of art, whose being develops itself in the opposite direction to life: while life tries to highlight different facets and concretize meanings, art integrates facets to achieve a new hyper-meaning. The contribution looks for the ideal principles to build a commentary by investigating the movement and the development of the basic structures of existence. The final section raises the question about the meaning of “new” in traditional cultures.

Keywords: commentary, ontology, epistemology, basic commentary principles basic principles of commentary, the whole and the part.

Все явления вселенной,
Все движенья вещества —
Все лишь отблеск Божества,
Отраженьем раздробленный!..

Мирозданием раздвинут,
Хаос мстительный не спит:
Искажен и опрокинут,
Божий образ в нем дрожит.

А.К. Толстой. Дон Жуан

В этом небольшом тексте мне хотелось бы попытаться сказать о комментарии как о фундаментальной онтологической структуре, о комментарии как о базовой гносеологической практике, что позволит, я надеюсь, увидеть самые базовые принципы и законы любого, самого специального, комментария.

Калька слова «комментарий» в русском языке — «примечание». Путевые записки, заметки на латыни назывались «комментариями».

Примечание, заметка — это выделение чего-то из целого для более подробного и обстоятельного рассмотрения, чем это возможно в составе целого.

Это рассмотрение детали и части как **нового самостоятельного целого**.

И это, зачастую, отказ от **сверхсмысла** (то есть от смысла элемента в системе) для рассмотрения **внутреннего смысла**, внутренних потенций выделенного фрагмента.

Так, укрупняя масштаб (сосредоточиваясь на фрагменте картины, на детали, **концентрируясь** — и используя это слово в данном случае, трудно не вспомнить давнее определение Бога как сферы с центром везде и периферией нигде), мы начинаем лучше видеть внутреннюю структуру выделенного фрагмента, но теряем контекст, уходящий за пределы экрана.

В сущности, именно так (и именно для этого), согласно некоторым гностическим космогониям, творился мир.

Мир творился как комментарий к Неведомому Богу.

Марк-гностик — согласно Болотову, лучший ученик Валентина — все творение мира (плиромы) изобразил в виде непрерывного и последовательного комментария к Божественному Имени.

Первоначальное, Вифос (бездна) — непознаваем в своей полноте даже для себя самого. И он, выговаривая свое имя, осуществляет акт творения (такого выворачивания себя из потенции в наличность, но не в виде целого, а в виде его составляющих), ибо каждая произнесенная буква начинает жить своей жизнью, как обособленное существо, как выделенный аспект Первоначального. «Желая облечь в формы невидимое (μορφοῦχῆναι ἄορατον), Вифос произнес подобное ему Слово. Оно, представши ему и нося образ невидимого, показало ему, что такое сам он» [Болотов, 1994, т. II, с. 214].

Таким образом, целое проявляется во вне только будучи разложено на свои аспекты (так проявляется, например, и *целое* музыкального произведения, которое удавалось в один миг воспринять Моцарту в процессе творения², разложенное на аспекты и этапы в записи и игре), то есть — можем мы сказать, перенося принцип творения мира/художественного произведения на принцип комментирования текста — смысл, присутствующий имплицитно в любом целом, *проявляется* и *фиксируется* (становится доступен в любой момент и перестает ускользать, то есть — оказывается годен для предъявления и передачи) только в процессе комментирования. Но, становясь проявленным и зафиксированным, он превращается в смысл части, стороны, концептуальной линии, а не целого.

² В знаменитом письме (подлинность которого, однако, оспаривалась) Моцарт пишет: «Когда я чувствую себя хорошо и нахожусь в хорошем расположении духа, или же путешествую в экипаже, или прогуливаюсь после хорошего завтрака, или ночью, когда я не могу заснуть, мысли приходят ко мне толпой и с необыкновенной легкостью. Откуда и как приходят они? Я ничего об этом не знаю. Те, которые мне нравятся, я держу в памяти, напеваю; по крайней мере так мне говорят другие. После того, как я выбрал одну мелодию, к ней вскоре присоединяется, в соответствии с требованиями общей композиции, контрапункта и оркестровки, вторая, и все эти куски образуют «сырое тесто». Моя душа тогда воспаляется, во всяком случае если что-нибудь мне не мешает. Произведение растет, я слышу его все более и более отчетливо, и сочинение завершается в моей голове, каким бы оно ни было длинным. Затем я его *охватываю единым взором*, как хорошую картину или красивого мальчика, я *слышу его в своем воображении не последовательно, с деталями всех партий, как это должно звучать позже, но все целиком в ансамбле*» Цит. по: [Адамар, 2001, с. 17].

Следующая большая цитата покажет, что в процессе комментирования *смысл не может умножаться* — а лишь последовательно *допроявляется*. Полагаю, что это может служить абсолютным критерием правильного комментирования.

Болотов так пересказывает описанный Марком процесс разворачивания вонне прежде скрытого, процесс образования эонов плиромы: «Вифос произносит свое имя. Оно состоит, по выражению Марка, из 30 букв и 4 слогов. Сперва он отчетливо произносит первый четырехбуквенный слог: это четверица; затем второй — четырехбуквенный же слог, и этим заканчивается осмерица; затем третий — из 10 букв, и наконец последний — из 12 букв, получаются десятирица и двенадцатирица. Следовательно, эоны — это только отдельные элементы понятия Бога о Самом Себе. Их жизнь, как многоголосное “Аминь” церковного собрания, есть лишь выражение жизни самосущего».

Заметим, что в конце цитаты у Марка аспектами, проявляющими бытие Бога, аналогично зонам, становятся люди (церковное собрание), совместно и совокупно воплощающие каждый в своем бытии разные грани Божественного бытия. Я бы сказала, что здесь Марк становится уже вполне ортодоксален. (Карсавин считает даже, что эта поправка противоречит основному замыслу системы Валентина³.) Это очень важно, поскольку, во-первых, вскрывает истинный смысл понятия «соборности», которая, будучи «единомыслием», не есть «одинаковомыслие», которая есть соби́рание воедино проявленных отдельно аспектов Божественного бытия и Божественной мысли, — а во-вторых — переводит избранное нами основание для понимания того, что есть комментарий, из (якобы) «маргинального» гностицизма в магистральное для европейской культуры христианское сознание.

Из сказанного следует также, что истинный комментарий, способный приблизиться к собиранию смысла целого, не может принадлежать одному человеку, он длится и собирается в веках, ибо человек — тоже аспект, способный наиболее к проявлению *определенных* рядов смысла текста; орудие, наилучше заточенное под видение и раскрытие *определенных* вещей.

Комментатор — лишь член герменевтического круга в широком смысле, включающего в себя не только непрерывно меняющееся соотношение части и целого, но и включающего в себя членов, видящих это непрерывно меняющееся соотношение в разных аспектах, которые для их соседей — **слепые пятна**⁴. Эти слепые пятна исчезают в работе

³ См.: [Карсавин, 1994, с. 17].

⁴ См. об этом подробнее: [Касаткина, 2017; Касаткина, 2018].

круга комментаторов (часто расположенного в разных временах, а не только в разных пространствах), поскольку комментаторы открывают друг другу пространства, которыми владеют они, и которые, помимо них, окажутся недоступны для остальных. Здесь проявляется иной аспект значения слова «комментарий» — «со-мыслие», «со-помнение» — совместное размышление над, совместное воспоминание о. Только в таком сомыслении осуществляется полноценный комментарий — и это условие его полноценности заложено уже, как мы видим, в самих корневых, исходных значениях слова. Одновременно комментарий должен был бы быть сомыслением с автором комментируемого текста, в каких бы формах этот автор не предстал; но ныне комментарий далеко не всегда является таковым. Комментатор зачастую ставит себя **вовне** комментируемого текста, порождая принципиально объективирующий комментарий, рассматривающий комментируемый текст как часть чего-то большего и более значительного, чем он сам. Если соотнести это положение и интенцию комментатора с эпиграфом к данной статье, думаю, в большинстве случаев они будут соответствовать второй его части, поскольку встраивание естественного целого в произвольно сформированное *назначенное* целое (например, художественное произведение *романтического направления*) приведет к искажениям в восприятии естественного целого.

В своем вырожденном и ущербном виде подсознательное ощущение необходимости и неизбежности круга комментаторов для полноценного комментария является нам в идее отсутствия авторства на комментарий, в идее беспрепятственного заимствования (без указания предшественника) комментариев для введения их в новый корпус комментариев⁵.

Возвращаясь к идеям Марка, нужно сказать, что понимание людей как букв Имени Божия, Слова, сотворившего мир, постоянно присутствовало в христианстве, в том числе — в его изобразительной традиции — то есть было открыто и внятно не только для ученых людей, читавших фолианты, но и для любого прихожанина, рассматривающего фрески или мозаики своего собора.

В раннехристианской базилике Ровенны Sant'Apollinare Nuovo (V–VI век; рис. 1) одна из мозаик изображает процессию мучеников с пальмовыми ветвями, памятную каждому по сюжету из Откровения Иоанна Богослова: «После сего взглянул я, и вот, *великое множество* людей, *которого никто не мог перечесть*, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло перед престолом, говоря: спасение Богу нашему, сидящему на пре-

⁵ См. размышления о «притушенности» авторского начала в комментарии также в статье: [Брагинская, 2007, с. 16–17].

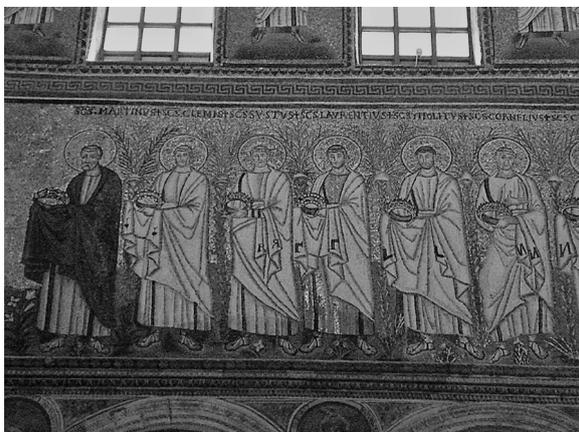

Рис. 1

столе, и Агнцу! <...> они пребывают **ныне** перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них» (Откр. 7:9–15)⁶. На одеждах их изображены буквы, очевидно — буквы того Слова, которого Христос есть Альфа и Омега. Буквы Имени Бога и Слова творения, что подтверждается свидетельством о том, что «Сидящий на престоле будет обитать в них» — таким образом, изображенные на одеждах буквы обозначают тот аспект Божества, который проявляется в данной личности и ее жизни наиболее целостно и полно.

В современной культуре идея наличия людей, способных проявить в себе направленным сверхусилием свою сущность, которая заключается в том, что они — слова творящей речи Господней, представлена, например, в бестселлере Марины и Сергея Дяченко «Vita nostra»⁷. И хотя авторы этого романа основываются скорее на гностических и каббалистических мотивах, их текст, безусловно, свидетельствует о том, что сама идея мира как комментария к Божественному бытию, разворачивающегося в продолжающихся актах творения, продолжает активно присутствовать и в современном сознании.

⁶ Выделения в цитатах — курсив и курсив+полужирный — выделено мной, полужирный — выделено в цитируемом тексте — Т.К.

⁷ «Vita Nostra» — роман-фэнтези украинских писателей Марины и Сергея Дяченко, получивший премию «Золотой кадуцей» в номинации «Крупная форма» на фестивале «Звёздный мост-2007». Роман вошёл в список лучших фантастических книг по версии журнала «Афиша», опубликованный в 2008 году, в номинации «Выбор экспертов». Полный текст романа см., например, здесь: <https://e-libra.ru/read/244697-vita-nostra.html>.

Но продолжим цитату из Болотова: «Они — буквы, но в свою очередь с полнотою выражают элементы Божества лишь тогда, когда сами живут всею полнотою жизни. Это Марк поясняет таким образом. Вообразим себе треугольник. Пока смысл этого треугольного знака не определился, он — символ Вифоса, объятый молчанием. Но раз мы поняли, что этот треугольник есть буква “дельта”, он уже определился до такой степени, что его можно выразить целым рядом (5) знаков, из которых каждый в свою очередь допускает такое же раскрытие. Можно подписать, что это есть ДЕЛТА. Несмотря на то, что здесь не один только знак, а 5 знаков, здесь содержания ничуть не больше, чем в первом знаке, потому что это так же “дельта”, как и то. Но в свою очередь каждая из (5) букв этого второго ряда может быть выражена в новом ряду (18) букв и под каждой из этих последних можно тоже подписать опять точное ее обозначение. Таким образом содержание одной и той же дельты может продолжаться до бесконечности, и в каждом последующем ряду знаков содержится то же, что содержится и в предшествующем. Таким образом, 5 букв содержат в себе не более того, что содержится в одной первоначальной букве; следующие 18 букв содержат не более того, что предшествующие 5 букв; наконец, дальше из 18 букв получилось 62 буквы, но и они выражают опять-таки одну и ту же дельту ($62=18=5=1$). В каждом новом ряду лишь сложнее выражается то же самое содержание. Поэтому внутреннее развитие жизни Вифоса в эонах завершится лишь тогда, когда самая последняя из букв этого имени выразит в своей жизни самую последнюю из бесконечного числа букв, которыми она определяется. “Но, прибавляет Марк, каждая буква божественного имени издает только свой звук, а не повторяет божественного имени в его целом”. Поэтому каждый эон индивидуально различен от других эонов и вместе с тем — ниже Вифоса. Он раскрывает в себе жизнь бесконечного и в бесконечной интенсивности, но жизнь не в целом, а лишь в одном ее каком-либо определении» [Болотов, 1994, с. 214–215].

С какого-то другого ракурса, ставящего акцент не на разворачивающемся самопознании духа, невозможном вне обособления его аспектов, а на «пленении» духа в обособленном, этот процесс может быть описан и так: «Для санкхьи и йоги мир реален (а не иллюзорен, как, например, для веданты). Однако мир существует, длится только из-за духовного “неведения”; бесчисленные космические формы, равно как и процессы их воплощения и развития, наличествуют лишь в той мере, в какой Я (пуруша) пребывает в неведении о себе самом; именно благодаря такому метафизическому неведению мир находится в страдании, порабощении. Но в тот момент, когда Пуруша обретет свободу,

творение во всей своей полноте, возвратится в первозданное докосмическое состояние» [Элиаде, 2000].

Рассмотрение в этом ракурсе указывает нам на то, что рассыпанный на аспекты комментарием текст оказывается вне доступа к своему истинному смыслу («в неведении о себе самом»), постепенно открывающемуся лишь в последовательном и неуклонном воссоединении всех аспектов.

Таким образом, вся жизнь создается и развивается как комментарий к тому, что иным образом, вне этого комментария, оказывается недоступно не только для понимания, но и для восприятия.

В свете сказанного выше не удивительно, что, в сущности, таким же образом и почти с той же целью: говорить о том, что иным образом не может быть выражено, о чем по-другому не может быть сказано, — возникает и искусство, и прежде всего — миф.

Однако движение искусства противоположно движению жизни, в которой каждый выделенный аспект должен прожить наиболее *свою* жизнь, вне связи со сверхсмыслом, чтобы максимально проявить смысл данного аспекта. Искусство словно призвано напоминать аспектам об их связи, освещать выделенную и приватизированную жизнь сверхсмыслом через демонстрацию ее места в составе целого.

Жизнь удаляет каждую следующую ступень от первоначального непроявленного целого, искусство сказуемо и зримо включает все выделенное в состав целого. Или, по крайней мере, напоминает каждому отдельному, что повесть его жизни — весть не только лишь о нем самом.

Именно в силу этого оказываются столь естественны комментарии к философским сочинениям, и самим по себе склонным выделять аспекты мысли и рассматривать их, резко укрупнив масштаб, — и столь проблематичны комментарии к произведениям искусства.

Комментируя произведение искусства, комментатор все время должен помнить, что то, что он делает, сосредоточивая внимание читателя на отдельном и выделенном, *противонаправлено* основной тенденции искусства, и показывать эксплицитно, чем новые знания о выделенном предмете помогут читателю в понимании целого. Без такого эксплицитного *обратного включения* выделенного для комментирования элемента комментарий будет *рассыпать* текст для читателя — и единственным спасением здесь является то, что читатель во многих случаях просто игнорирует комментарий⁸.

⁸ Комментаторы (по крайней мере, некоторые) эту проблему осознают. Например, переводчик и автор послесловия к произведениям Ле Гуин пишет: «Если разобрать по нитям великолепный сказочно-мифологиче-

Сам миф, возможно, является самым ярким и очевидным типом комментария к недоступному тексту — ибо в нем говорится о событиях иного мира и иной природы посредством использования слов и вещей, доступных слушателям в этом мире.

Миф, **максимально выражая еще одно важное свойство любого комментария**, предстает перед нами как посредник между тем, что человеку более-менее постоянно доступно в ощущениях и относительно чего у него сформировался язык — и тем, что ему доступно в лучшем случае окказионально, доступность чего зависит от времени, места, личных качеств и подготовки воспринимающего, — и для чего языка у него нет.

Миф — это один из наиболее распространенных способов говорить о том, о чем нельзя говорить. Следовательно, миф — это не формула, а образ, история, которая *рассказывает* о том, что происходит в том мире, для описания которого у нас есть язык, а *говорит* при этом о том, что происходит в том мире, для которого у нас языка нет.

Надо заметить, что человечество все время (и возможно, это и есть конститутивный признак человечества, по крайней мере — один из) занималось тем, что **создавало способы говорить о том, о чем невозможно говорить**. И это понятно — ведь если человечество перестанет говорить о том, о чем говорить невозможно, — оно перестанет расти. В тот момент, когда несказанное появляется в сознании посредством картинки-мифа, оно уже входит в область наличного. Когда мы начинаем о нем говорить, посредством аналогий, через близкое о далеком, через понятное (через сдвиги в понятном) — о странном — это значит, что мы его осваиваем, вводим в область нашей реальности, расширяем ее, захватываем новый ее уровень, поднимаемся на еще одну ступень на пути интеграции недоступного единства, прежде распавшегося в попытке познать себя.

Скажем попутно, что мифы потому и не интегрируются без остатка (очень существенного «остатка») в целостную историю, доставляя столько неудобств историкам культуры, что они — не связанное пове-

ский гобелен тетралогии, то очарование исчезнет, останется лишь груда прочных, вполне осозаемых составляющих, из которых этот дивный гобелен был соткан. Не будем же заниматься столь неблагодарной работой, уничтожая произведение искусства <...>. Нет, постараемся не нарушить очарования <...> прозы Урсулы Ле Гуин, ибо — тонкий художник! — она вплела в ткань своих романов столь многое, от мифа и представлений древних философов до самых современных проблем человечества, что разложение на «непосредственно составляющие» грозит этому произведению утратой художественной ценности» [Тогоева, 1993, с. 413].

ствование в горизонтальном плане, но именно серия «комментариев» к иным планам бытия, часто изображающих одно и то же в разных аспектах.

То есть они связаны между собой совершенно иным образом, чем их ищут связать, надеясь обнаружить в них последовательное повествование о появлении мира или о развитии человечества. Они связаны через свое отношение к неявленному, связаны *лишь* через него, но не непосредственно друг с другом, любое проявление в них сюжета — внешне и вторично. И это, видимо, может послужить описанием типа связности, вообще присущего любому комментарию⁹.

В свете идеи о том, что проявление смысла не означает его умножения, полагаю, проясняется парадоксальная, на самый первый взгляд, идея, высказанная Ниной Брагинской¹⁰, о том, что комментарий — это единственный способ инновации в любой традиции (традиционной культуре).

Мирча Элиаде пишет: «Важно представлять себе место понятия “эволюция” в философии санхьи. Паринама означает развитие того, что существует *in posse* (в потенции), в махате. В действительности это не креация, не трансценденция, не формирование новых уровней существования; это просто реализация потенциалов, находящихся в пракрити (точнее, в ее витальном аспекте, махате). Отождествление “эволюции” в индийском смысле с западным эволюционизмом влечет за собой большую путаницу. Никаких новых форм во вселенной не появляется – проявляются только те, которые уже присутствовали в потенциальном виде. Фактически, по санхье, ничего не порождается (в западном смысле слова). Творение существует извечно и никогда не разрушается; оно лишь может возвратиться к состоянию абсолютного равновесия (в “великом распаде”, махапраляе)» [Элиаде, 2000].

⁹ Размышления о вариантах связности комментария см., например, в разделе «Комментарий как связный неповествовательный текст» в статье: [Брагинская, 2007, с. 14–18].

¹⁰ В частности, вот так: «Нечего говорить, что, комментируя древних философов, комментаторы высказывают новые философские идеи. Это кажется сегодня очевидным <...>, хотя целые столетия считалось, что философские комментарии к Аристотелю, например, вторичны и несамостоятельны и не могут сообщить ничего, кроме цитат из утраченных текстов. Комментаторы могут не хотеть высказывать новое» [Брагинская, 2007, с. 49]. Думаю, с точки зрения комментаторов, они его и не высказывают, они лишь раскрывают то, что присутствовало нераскрытым. У них было иное видение того, что есть «новое».

Таким же образом любая «инновация» в традиционной культуре есть не более чем проявление уже присутствующего; там есть открытие и обретение, но нет изобретения — привносимого «от себя», из ниоткуда, из небытия — «извне». Внутри традиционной культуры некуда выйти за пределы комментария — знания, смысла и бытия «обретаемых» в раскрытии прежде «закрытых» областей, раскрывающих себя в процессе выделения их из целого для автономного рассмотрения. В этом смысле можно сказать, что «творить» внутри традиции прочитывается как «вторить». И это значит не то, что внутри традиции не раскрывается ничего прежде неведомого, но и не значит, что мы просто разными словами говорим об одном и том же: дело здесь в том, что, если мы присматриваемся и прислушиваемся к тому, как процесс познания видели внутри традиции, из наших глаз исчезает образ исследователя, рвущего грудью ленты и более реальные преграды на границе познанного, исследователя, стремящегося *вовне*, — и вновь возникает образ философа, внимательно вслушивающегося в любой текст (каковым видится и весь мир в целом), чтобы раскрыть его *внутренние* значения, смыслы и связи.

Вот это выделение из целого для автономного рассмотрения — в идеале с последующим возвращением выделенному сверхсмысла — связи внутреннего смысла со смысловым целым — и есть «инновация» традиции, и одновременно — принцип идеального комментария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамар, 2001 — *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики / пер. с франц. М.А. Шаталова, О.П. Шаталовой; под ред. И.Б. Погребынского. М: МЦНМО, 2001. 128 с.

Болотов, 1994 — *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви / посмертное издание под ред. проф. А. Бриллиантова. Репринтное воспроизведение издания СПб., 1910. М.: Спасо-Преображенский Валаамский ставропигиальный монастырь, 1994. Т. 2: История церкви в период до Константина Великого. 509 с.

Брагинская, 2007 — *Брагинская Н.В.* Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только // *Arbor mundi*. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 2007. Вып.14. С. 9–62.

Карсавин, 1994 — *Карсавин Л.П.* Святые отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях). М.: Изд-во МГУ, 1994. 176 с.

Касаткина, 2017 — *Касаткина Т.А.* О субъект-субъектном методе чтения // *Новый мир*. 2017. № 1. С. 126–144.

КОММЕНТАРИЙ
КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Касаткина, 2018 — *Касаткина Т.А.* Организация совместной работы в рамках субъект-субъектного метода // Литература. 2018. Январь-февраль. №1–2. С. 52–57.

Тогоева, 1993 — *Тогоева И.* О Ястребе, Ясене, Холме и Мече — об Истинных Именах и Великих Магах // *Ле Гуин У.* Гробницы Атуана. Техану / пер. с англ. И Тогоевой. М.: Радуга, 1993. С. 399–412.

Элиаде, 2000 — *Элиаде М.* Йога: бессмертие и свобода / пер. с фр. В. Траск, с англ. С. Никшич (I–IV) и Д. Палец. Киев: София, 2000. 400 с.

Впервые опубликовано: *Касаткина Т.А.* Филологические практики в философском осмыслении: комментарий в целом культуры // Русская словесность. 2019. № 5. С. 5–11.